

★ 9 СЕН. 1944

С. МИХАЛКОВ

Письмо Рине Зеленой

Уважаемая Рина Зеленая!

Это было в 1935 году. Вы, наверно, помните один из летних дней на водной станции «Динамо», когда к вам подошел некий молодой человек и, робея перед вами, предложил на ваш суд свои стихи для детей. Вам понравились стихи малоизвестного поэта. Вы положили их в сумочку и сказали, что будете читать их на эстраде. Стихи эти кончались так:

Мамы всякие нужны,
Мамы всякие важны!
Дело было вечером
И спорить было нечего!

Так почти десять лет тому назад началось наше знакомство, вернее, творческая дружба поэта, пишущего для детей, и актрисы, воплотившей в себе большую чистую правду детской психологии, актрисы, завоевавшей себе всесоюзную известность своими рассказами «о маленьких для больших».

Сергей Образцов, замечательный мастер театра кукол, как-то, делаясь со мной своими впечатлениями после вашего концерта, сказал:

— По силе своего влияния на зрителя и по своей массовости эстрада может быть приравнена к кино. Вот почему необходимо ценить тех, кто несет на эстраду не только мастерство, но и высокий вкус. Вот почему мы любим Рину Зеленую.

В один из первых дней освобождения Симферополя от немцев ко мне на улице подошла девушка:

— Я актриса, — сказала она. — Где мне встать на учет? Я читаю детские рассказы. — И, чтобы окончательно убедить меня в том, что читает она их хорошо, добавила: — Как Рина Зеленая.

Можно по-разному хорошо читать рассказы для детей и о детях, но читать так, как читаете их вы, — нельзя. Жанр, созданный вами на эстраде, самобытен и оригинален именно тем, что он неповторим. Многие актрисы пробовали себя в вашем жанре, но их выступления звучали всегда пародийно и неинтересно. Ваше искусство не в том, что вы подражаете детскому голосу, детскому языку, детской интонации. Читаете ли вы мои стихи или стихи других поэтов, говорите ли вы о смешном или трогательном, ваше искусство актера всегда рождает наивные, нежные образы детских душ, и любовь к ним живет в зрителях и слушателях. Вы с большим тактом доносите до своих зрителей все то трогательное и живое, что живет в ребенке, что располагает его к себе,

заставляет зрителя часто смеяться до слез, а иной раз и прослезиться по-настоящему. В этом ваше мастерство и ваше умение. Мы знаем вас за все долгие годы не только как чтеца рассказов «о маленьких для больших». Мы видели вас на ваших творческих вечерах и концертах в садах, клубах, домах отдыха, госпиталях, в воинских частях в тылу и на фронте. Мы видели вас в хороших и плохих пьесах. Мы слушали ваши сатирические монологи и импровизации.

Наряду с большими удачами вас постигали и неудачи. Вы прошли большой, далеко не легкий двадцатипятилетний путь эстрадной актрисы. И вы добились главного. Вас полюбил советский зритель! Когда конференсье объявляет ваш выход, зал приходит в радостное смятение. Ваше появление на сцене сопровождается шумными искренними аплодисментами. За это состояние зрительного зала можно щедро заплатить молчанием всех театральных рецензентов, так неохотно и скупо делящихся своими мыслями о мастерах нашей эстрады.

Я помню один случай. В разрушенном немцами городе я зашел в один дом. Среди обломков мебели, разбросанных на полу немецких книг и журналов лежала груда патефонных пластинок. Они были разбиты и раздавлены. Младший сержант Иван Арсентьевич Казаков поднял одну из разбитых пластинок. Потом он встал на одно колено и стал рыться в черных пластмассовых осколках. Я заинтересовался. На мой вопрос, что он ищет, Казаков сокрушенно сказал: «Рину Зеленую нашел. Так и ее гады разбили. Вот может, найду осколок, склею. Не-хай, хлопцы послушают...»

А в 1941 году, в одной из прифронтовых деревень, комендант гарнизона, не доверяя моим не совсем правильно оформленным командировочным документам, до тех пор не хотел признавать меня за писателя, пока сидящий рядом с ним и молча слушающий наши пререкания младший лейтенант не спросил:

— Это ваши стихи Рина Зеленая читает?

Моя судьба была решена. Рина Зеленая действительно читала мои стихи, и когда я сказал еще, какие именно, мне поверили и указали дорогу в штаб соединения.

Вот, пожалуй, и все, о чем я хотел вам написать в дни двадцатипятилетия вашей артистической деятельности.